

Е. А. Назарян

П. Н. СЕМЁНОВ – УЧАСТНИК ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ПОХОДОВ РУССКОЙ АРМИИ 1813–1814 гг.

На войне человек неизбежно сталкивается с рядом факторов, оказывающих на него мощное психологическое воздействие, способное изменить сложившиеся в мирное время стереотипы поведения. Но любой стереотип выявляет лишь доминирующие поведенческие формы и не способен полностью детерминировать поступки конкретных индивидов¹. Тем интереснее выявить изменения в системе нравственных ценностей и поведенческих практик «человека воюющего» на временном промежутке в несколько десятилетий.

Исход любой войны, как и ее образ в памяти потомков, определяется не только избранной командованием стратегией и тактикой, применяемым оружием, но и личностными характеристиками ее участников.

В данной статье мы намерены составить историко-психологический и социокультурный портрет русского офицера П. Н. Семёнова, «вписать» его жизнь в канву исторических событий, проследить его трансформацию.

О Семёнове написано несколько статей, в основном литературоведческого характера². Воспоминаний он не оставил. Документов о его жизни также сохранилось совсем немного: послужные списки, документы об отпуске в 1815 г., записи в материалах по делу о декабристах, сведения комитета по цензуре. При жизни были опубликованы два его произведения: «Ода на обручение и бракосочетание великого князя Николая Павловича и великой княжны Александры Федоровны» и опера-водевиль «Удача от неудачи, или Приключение в жидовской корчме»³, еще несколько увидели свет в 1861 г. стараниями Я. К. Грота.

Однако о Семёнове сохранились воспоминания его знакомых и друзей Э. И. Стогова, С. Т. Аксакова, П. А. Каратыгина; его имя упоминается в связи с теми или иными событиями у В. А. Перовского и Л. А. Симанского⁴.

Дети Семёнова – Наталия Грот и Петр Петрович Семёнов-Тянь-Шанский тоже оставили мемуары, в которых четко прослеживается мысль, что их отец – это образец для подражания, именно эта модель поведения должна воспроизводиться в семье в дальнейшем⁵.

Словом, П.Н. Семёнов – человек, жизнь и судьба которого, с одной стороны, еще требуют более подробного изучения, а с другой – оказали существенное влияние на родственников и знакомых и в целом на формирование исторической памяти.

Итак, Пётр Семёнов родился в с. Салтыково Пронского уезда Рязанской губернии в 1791 г. Происходил из старинного дворянского рода. Предки его были служилыми людьми сначала рязанских князей, а затем московских царей и владели значительными имениями в Пронском и Ранненбургском уездах. Сельцо Салтыково Пронского уезда было самым древним из их имений, документы по владению, хранившиеся в семье Семеновых восходили к XVI в. Один из предков, по преданию, был при Борисе Годунове следователем в деле боярина Федора Никитича Романова, другой, Алексей Семёнов, был окольничим при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, а его сын, Василий Семёнов, думным дьяком при Софье-правительнице. В XVIII в. все Семёновы состояли на военной службе⁶.

Отец Петра Семёнова – секунд-майор Николай Петрович, участник русско-турецких войн, мать – Марья Петровна Бунина (сестра поэтессы Анны Буниной). Семёновых было пять братьев: Петр, Николай, Михаил, Василий и Александр Николаевичи. Петр был старшим и по семейной традиции должен был стать военным.

Пётр Семёнов получил первоначально домашнее образование, с 1801 по 1807 гг. учился в Московском университетском благородном пансионе вместе с двоюродным братом М.В. Милоновым, «за успехи в науках» произведен в студенты Московского университета⁷.

В 1808 г. отец увез Петра в Санкт-Петербург и определил в лейб-гвардии Измайловский полк, где он поступил в роту капитана П.П. Мартынова, впоследствии петербургского коменданта⁸. По-видимому, свободной вакансии в полку не было, и Семёнов служил как вольноопределяющийся. Официально он был зачислен в полк только 6 апреля 1809 г.⁹

Своего первого командира Семёнов «воспел» в стихах в одном из первых своих произведений – «Капитан Мартынов. Ода» (1808), которая во многом пародировала оду «Бог» Г.Р. Державина.

О ты, пространством необширный,
Живый в движенях деплояд,

Источник страха роты смирной
Без крылий дланями крылат.
Известный службою единой,
Стоящий фронта пред серединой,
Веленьем чьим колен не гнуть.
Чей крик двор ротный наполняет,
Десница зубы сокрушает,
Кого Мартыновым зовут!

Надо сказать, что молодого военного, интересовавшегося литературой и театром, Анна Бунина, его тетка, ввела в петербургские литературные круги – дома А. С. Шишкова, Г. Р. Державина, Н. С. Мордвинова и др. Естественно, начальству такое положение дел не нравилось. В «Оде» Семёнов, обращаясь к капитану Мартынову, описывает свои «ощущения» от службы:

Под ранцем плотью издыхаю,
Умом полком повелеваю,
Я вождь, я дрянь, ничто и все!
Я в роте существо чудесно,
Что я такое неизвестно,
Конечно, я ни то, ни сё!
Я твой подпрапор нечестивый,
Твоей премудрости болван, –
Источник взысков справедливый,
Начальник мой и капитан!
Тебе и службе нужно было,
Чтоб под арест всегда ходило
Дворянство для солдат в пример,
Чтоб я по форме одевался,
В театр, в собрание не казался
Доколь не буду офицер.
Начальник мой и благодетель,
Виновник бед моих и зла!
Арестов и похвал содетель!
Я слаб воспеть твои дела!
Но если словословить должно,
Подпрапорщику невозможно
Ничем иным тебя почтить
Как тем, чтобы служить стараться,

С ноги во фронте не сбиваться
И век во фраке не ходить¹⁰.

Эту «Оду» знали наизусть многие измайловцы, и, видимо, был с ней знаком великий князь Николай Павлович, благосклонно относившийся к импровизациям Семёнова¹¹ (после смерти Семёнова именно Николай Павлович устроил его сыновей в пажы)¹². Видимо, подобная популярность объяснялась тем, что Семёнов смог емко и точно описать чувства и эмоциональное состояние молодых офицеров. Его веселые пародии раскрывают психологическую атмосферу в армии.

Современники отмечали замечательное актерское дарование Семёнова. С. Т. Аксаков, вспоминая их совместную игру (1810-е) в домашнем спектакле (в доме Шишкова), заключал: «Он был большой мастер передразнивать всякие карикатурные личности, и вся наша публика много смеялась от его игры»¹³.

Известен, например, такой анекдот. Однажды Н. И. Хмельницкий встретился с Семёновым в доме В. А. Всеволожского, где Семёнов по просьбе хозяина изобразил образованного, но пьяного молодого человека. Он исполнил свою роль столь хорошо, что Хмельницкий отвел Всеволожского в сторону и попросил избавить его от этого знакомства, сказав, что «это прекрасный, но несчастный» молодой человек¹⁴.

П. Арапов, исследователь русского театра, в 1861 г. вспоминал: «Семёнов, капитан лейб-гвардии Измайловского полка, был литератор, отличный чтец и актер, когда он читал драматическую пьесу, то казалось, что разговаривают несколько разных лиц, он необыкновенно умел придавать характер голосам»¹⁵. Впоследствии эти способности помогли Семёнову во французском плену. Дочь Семёнова Наталья Грот оставила записки, в которых со слов отца описывает его пребывание во Франции: «Чтоб во время плена поднять упавший дух товарищей, отец, по обычной своей веселости, сочинял экспромтом маленькие французские сцены и фарсы, раздавал роли товарищам офицерам, и все они разыгрывали их на воздухе, причём дамы выходили на балконы, и после часто зазывали к себе и угощали „интересных русских пленных“». У бабушки моей, его матери, хранилось шесть тонких голландских рубашек, которые он получил в подарок от французских дам, узнавших, что пленные более всего нуждались в белье»¹⁶.

В 1808–1810 гг. Семёнов пишет пародию «Митюха Валдайский» (пародия на трагедию В. А. Озерова «Дмитрий Донской»). Она ставилась в любительском театре Измайловского полка в начале 1810-х годов, а позднее, в начале 1820-х, в Петербургском театральном училище¹⁷.

11 февраля 1811 г. Семенов получил чин портупей-прапорщика, 1 декабря 1811 г. – прапорщика¹⁸. В 1812 г. Семёнов в составе Измайловского полка отправился на Отечественную войну. Отличился в сражении при Бородине. Был в стрелках. Представлен к награждению золотой шпагой с надписью «За храбрость», приказ утвержден 19 декабря 1812 г.¹⁹ Согласно семейному преданию, бронзовый складень, благословение родителей, в который попала пуля во время сражения, уберег Семёнова от верной гибели²⁰. Молодежь начала XIX в. еще находилась под влиянием идей Просвещения, смерть интерпретировалась как «венец жизни». Умереть молодым в бою с неприятелем означало высшую доблесть, и такая смерть была желаннее всякой другой. Поручик Измайловского полка Л. А. Симанский писал, что во время Смоленского сражения он чувствовал удовольствие от осознания своей полезности Отечеству и не боялся «положить жизнь» за него²¹. Возможно, что такие же чувства одолевали и П. Семёнова.

Семёнов участвовал в сражениях при Малоярославце, Красном, в преследовании неприятеля до Вильно²². Принимал участие в заграничных походах российской армии, участвовал в сражениях при Люцене, Бауцене и Кульме. 20 января 1813 г. получил чин подпоручика. Под Кульмом был взят в плен и отправлен во Францию²³.

Пётр Семёнов много рассказывал в кругу семьи о пребывании во французском плену. Впоследствии эти устные рассказы были переложены и записаны его детьми. П. П. Семёнов-Тян-Шанский в своих «Мемуарах» описывает, как отец попал в плен под Кульмом: «Французы в беспорядке отступили в Саксонию, но что стало с русским обозом было неизвестно, а между тем, в этом обозе находилась жена генерала Храповицкого. Командировка отца с небольшим разъездом, посаженным на коней, имела целью отыскание этого обоза. Отец, пробравшись между отступавшим неприятелем, быстро дошёл до гор, отделяющих Чехию от Саксонии, и здесь только узнал, что русский обоз, ушедший в сторону, находился в полной безопасности. На возвратном пути отец безпрестанно встречался с беспорядочно отступающими французами, от которых ему удалось отбить несколько пушек, но, наконец, наткнулся на очень крупный французский отряд, которым и был окружён со всех сторон. Геройски защищался маленький разъезд отца, но выпустив все свои заряды и потеряв несколько человек убитыми, был, наконец, взят в плен, причём во внимание к храбрости отца ему была сохранена шпага. Пленных повели пешком через всю Германию в Южную Францию. Долго не получали родители никакого известия от отца, писали в полковой штаб и, наконец, получили роковой ответ: „Пропал без вести при преследовании неприятеля

после Кульмского сражения⁴. Письма, которые отец пытался посылать из французского плена не доходили до родителей. После утомительного пешего хождения через всю Германию, Эльзас и Среднюю Францию отец с другими русскими пленниками, между которыми был и подружившийся с ним Василий Алексеевич Перовский (впоследствии оренбургский генерал-губернатор и граф), был водворен в юго-западной Франции, где русских пленных очень радушно принимали в своих замках легитимисты, полюбившие отца за его веселость и остроумие²⁴.

Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского о пребывании в Париже в марте 1814 г. стало ясно, почему родные долго не получали известий от попавших в плен: «...письма, назначенные за границу или из чужих краев присланные... в течение трех лет хранились в великом множестве на почте»²⁵. Хотя часть писем к родным Семёнова все-таки дошла. К. Я. Грот писал: «К сожалению, интересные письма Петра Николаевича из плена, свято хранившиеся его матерью, были утрачены после смерти ея»²⁶.

О превратностях военного плена рассказывает в своих воспоминаниях В. А. Перовский. Он пишет, что в феврале 1814 г. на переходе из Орлеана в Божанси узнал от местных жителей, что в районе Орлеана видели казаков, и предложил Семёнову бежать. К слову сказать, Перовскому на тот момент исполнилось только 19 лет, а Семёнову – 23. Перовский заплатил проводнику, простому крестьянину, 300 франков – деньги, на которые во Франции безбедно можно было прожить 2–3 месяца. Этот побег закончился неудачей, беглецы столкнулись с французским конвоем, который привел их в некое селение к мэру. Они сообщили, что по нездоровью отстали от группы русских пленных, их отправили в Тур, где к тому времени находились русские пленные. Перовский описывает ситуацию таким образом: «Мэр был пожилой человек, весьма привлекательной наружности, и я отдаю ему полную справедливость; я уверен, что он признал нас за беглых пленных, но не хотел вредить нам, и, притворяясь, что нам верит, велел нам дать подводу и нас накормить. Открытая крестьянская телега, в холод и снег, показалась нам, после прошлой ночи, роскошною повозкою. Мы спали до первого места, где надлежало переменить подводу, которую дали беспрепятственно по открытому листу доброго мэра, и в тот же день поздно вечером, догнали мы своих товарищей в Туре, усталые, голодные и без денег. О побеге нашем не было еще известно, и тем кончилось неудачное мое и С. покушение...»²⁷.

В мемуарах Семёнова-Тян-Шанского также есть описание побега его отца: «Когда же после многих сражений русская армия придвинулась

к Парижу и окружила его кольцом, мой отец и Перовский решили бежать из плена и присоединиться к своей армии. С разными приключениями они добрались до Орлеана, но здесь были узнаны, арестованы и переданы орлеанскому мэру. Однако мэр этот уже не сомневался в неблагоприятном для Наполеона исходе войны и потому до отдачи беглых пленников под военный суд, который неминуемо приговорил бы их к расстрелу, дал им возможность совершить новый побег. Наконец пленники достигли до союзных аванпостов и, заявив о своём освобождении из плена, были приняты в состав войск, подходивших к Парижу с юга, между тем как Измайловский полк действовал на северо-восточной стороне. Париж сдался, и русская армия с торжеством вошла во французскую столицу»²⁸. Как видим, по сравнению с воспоминаниями В. А. Перовского история обросла домыслами и мифами. То, что для Перовского лишь эпизод, для Семёнова-Тян-Шанского – центральная тема, на основе которой складывается героический образ отца. Семейные легенды свидетельствуют о стремлении во что бы то ни стало включить отца в число тех, кто освободил Париж.

Обаяние личности П. Семёнова было столь велико, что о нем неоднократно вспоминал Я. К. Грот²⁹. Об участии Семёнова в событиях 1813–1814 гг. он написал: «В кампании 1813 г. он при начале Кульмского дела был командирован один, без всякого отряда для отыскания отставшего обоза с провиантом. Он отыскал обоз, но был отрезан неприятелем, принужден был присоединиться к корпусу Прусского генерала Клейста в виде волонтера; в первом же после того деле он попал в плен и отправлен в Суассон, где и оставался до взятия Парижа»³⁰. Как видите, речь вообще не идет ни о побеге, ни об участии во взятии Парижа.

В сентябре 1814 г. Семёнов получил отпуск на два месяца, посетил Англию, затем, вернувшись морским путем на родину, навестил родителей³¹. Потом отправился в Вильно, где был расквартирован его полк.

П. Н. Семёнов 15 апреля 1816 г. получил чин поручика и продолжал свои литературные опыты.

Под впечатлением от пребывания в Вильно он пишет оперу-водевиль «Удача от неудачи, или Приключение в жидовской корчме». В опере были заняты замечательные актеры, особенно удачен дуэт Рахили и Израиля (держателей постоянного двора) в исполнении Е. С. Сандуновой и М. С. Щепкина. Опера имела огромный успех, на протяжении нескольких десятилетий не сходила со сцены столичных театров. Своеобразие составлял ее речевой колорит: Семёнов обыгрывает смешение русского, малороссийского, польского и еврейского разговорных языков (действие происходит на Волыни;

в основе водевиля – впечатления Семёнова от польско-еврейского быта в Вильне, где в 1815 г. стоял его полк), причем различные персонажи говорят и поют на своем «диалекте». П. Арапов заметил, что Е. С. Сандунова специально пригласила старую еврейку и благодаря общению с ней довела роль до совершенства³².

Примерно в 1816–1819 гг. Семёнов пишет пародию на «Демьянову уху» И. А. Крылова – «Подражание Демьяновой ухе», в которой высмеивает любовь своего полкового командира М. И. Храповицкого к муштре, описывая его встречу с М. А. Милорадовичем.

«Михайлушка, мой свет!
Пожалуй, позабавься» –
Матвешка! Я видел – «Нужды нет, признайся!
Бригада ей же ей на славу сведена!
Что за колонна, ах! Да как подтянута она,
Как будто бы на смотр подбелена.
Пожалуй, позабавься! Смотреть возьмет охота!
Вот первый батальон, а вот и третья рота,
Прекрасно! Посмотри ведь ниточкой идут.
Карл Бистром проси, еще хоть раз пройдут» –
И так был подчиван Михаила от Матвея,
Матвей надоедал, Михаила не жалея;
А уж того давно пронял цыганский пот;
Однако, но еще терпенья он берет;
Сбирается с последней силой,
И вот объехал всех. – «Вот друга я люблю!»
Вскричал Матвей: «За что уж чванных не терплю;
Ну, посмотри ж ещё один разок, мой милый!»
Но тут Михаила бедный мой,
Как службу ни любил, но от беды такой,
Дав шпоры, поскакал без памяти домой
И с той поры в Грановский* ни ногой.
Служивый! Счастлив ты, коли учить умеешь,
Но если перестать во время не умеешь
И в жар, или в мороз о ближних не жалеешь;
То ведай, что твои ученья и марши
Для всех покажутся весьма нехороши³³.

* Бывший дом Грановского у Измайловского моста служил казармой полка.

Этот критический настрой привел П. Семёнова в ряды членов «Союза благоденствия». Однако серьезного участия в декабристском движении он не принимал. В документах ГАРФ хранится «Список чинов союза благоденствия, кои по высочайшему повелению оставлены без внимания, как отклонившиеся от союза и не участвовавшие в возникших после 1821 г. тайных обществах»³⁴. Фамилия П. Н. Семёнова значится под номером 44. Примечательна приписка к фамилии: «Семёнов, служивший в Лейб-гвардии Измайловском полку, известный по сочинению оперы „Жидовская корчма“»³⁵. В материалах дела фигурируют еще два Семёнова: титулярный советник, экспедитор канцелярии московского военного генерал-губернатора и Семёнов, служивший в лейб-гвардии Егерском полку, а ныне надворный советник³⁶. Тем не менее «нашего» Семёнова выделили именно за его творческие достижения.

В январе 1818 г. Семёнов получил чин штабс-капитана, в марте 1820 г. – капитана³⁷, затем вследствие тяжелой болезни находился дома на излечении. В 1821 г. женился на Александре Петровне Бланк.

В 1822 г. вышел в отставку³⁸, поселился в деревне с родителями. В браке у четы Семёновых родилось трое детей: Николай, впоследствии сенатор; Петр, известный государственный деятель и географ, получивший к своей фамилии приставку Тянь-Шанский; Наталья, вышедшая замуж за Якова Карловича Грота, известного филолога, впоследствии академика и вице-президента Российской Императорской академии наук.

Со своей знаменитой теткой Семёнов поддерживал теплые отношения на протяжении всей жизни; ухаживал за ней во время ее долгой болезни, она умерла у него на руках и именно ему оставила «тайные записки», которые так и не были найдены.

Дальний родственник братьев Семёновых Э. И. Стогов впоследствии так вспоминал о Петре Николаевиче: «Он всегда был щегольски одет в форму обер-офицера; был очень красивый мужчина ростом вершков девяти; черные, очень густые, кудрявые волосы, довольно широкое с тонкими чертами, энергичное, подвижное лицо с острым носом, замечательно широкая грудь, мускулистый, правильно сложенный – наружность богатыря-красавца, приятный голос, говорил очень скоро, будто торопился»³⁹. К сожалению, удалось найти только его юношеский портрет. Скажем буквально несколько слов о дальнейшей судьбе П. Н. Семёнова. После выхода в отставку он поселился в родовом имении жены Урусово. Обладая художественным вкусом и архитектурными способностями, Семёнов по собственному проекту построил новую большую усадьбу и церковь. Он продолжал следить за литературной жизнью столиц, в его доме появля-

лись только что изданные литературные произведения, в том числе сочинения В. А. Жуковского, А. С. Пушкина (с особым воодушевлением читал пушкинское «Клеветникам России»). В присутствии семьи и гостей «разыгрывались» драматические произведения («Драмы и комедии он читал в лицах, индивидуализируя их и придавая каждому соответствующий характер...»⁴⁰).

На протяжении всей жизни Семёнов был человеком необыкновенно деятельным и принимавшим участие в судьбах тех, кого постигло несчастье. В его доме часто находили приют сироты, вдовы, обедневшие соседи и родственники. Помогал он также своим крестьянам, входя в их нужды и устраивая их дела в судах⁴¹. Когда серьезно заболела жена, то он взял на себя все заботы по уходу за ней.

К. Я. Грот вспоминал, что П. Н. Семёнов регулярно выбирался в губернские депутаты от дворянства Ранненбургской округи, где он имел постоянное пребывание. «И он, никогда не отказываясь, всегда оправдывал сделанное ему доверие»⁴². В 1826 г. Семёнов был избран почетным смотрителем Скопинского уездного училища и ежегодно жертвовал училищу по 100 руб.⁴³

В 1831 г., когда Ранненбургский уезд постигла сильная эпидемия холеры, Семёнов, фактически заменивший уездного предводителя дворянства, целиком взял на себя борьбу с бедствием. Через год после холеры, в 1832 г., находясь по делам в Липецком уезде и пытаясь спасти своего слугу, заразился от него тифом и скончался в течение нескольких дней⁴⁴.

П. Н. Семёнов похоронен в с. Урусово Ранненбургского уезда Рязанской губернии. 28 июня в газете «Северная пчела» в разделе «Внутренние известия» появилось сообщение: «28 мая скончался Тамбовской губернии Липецкого уезда в селе Елисаветине драматический писатель, гвардии капитан Пётр Николаевич Семёнов на 41 г. от рождения. Кто не знает его забавной, замысловатой и оригинальной оперы „Жидовская корчма“? Он оставил в рукописи комедию „Митюха Валдайский“ (пародию трагедии Дмитрий Донской). Сверх того переведены и оперы „Амфитрион“, „Иступленный“, „Федра“»⁴⁵.

Поведение дворян в первой половине XIX в. в значительной степени определялось стойкими культурными моделями, выбор между которыми производился в зависимости от ситуации⁴⁶. Ближе всего поколению военной молодежи 1812 г. была античная модель поведения, закреплённая в литературе, искусстве и даже системе воспитания начала XIX в.⁴⁷ Но Семёнов ко всему относился с легкой иронией, поэтому вместо сурового патриотизма, он выбирает жанр пародии и шутки.

Изменился ли П. Семёнов после войны? Безусловно. До войны это веселый, добрый, слегка легкомысленный молодой человек, любитель розыгрышей, театра и хорошей литературы. Он был верен воинскому долгу, питал презрение к угодничеству и фальсификациям. После войны Семёнов не ожесточился, веселость и доброжелательность, личное мужество никуда не делись. Но, как нам представляется, основным его качеством становится ответственность. Он выбирает несколько иной путь, чем его друзья-декабристы. Это тоже путь преобразования, но преобразования без насилия, путем духовного самоусовершенствования и личностной самореализации. Он ухаживает за больной теткой, за больной женой, заботится о детях, жертвует деньги на просвещение, помогает крестьянам, борется с холерой.

Если мы обратимся к книге Д.Г. Целорунго «Офицеры – участники Бородинского сражения», то увидим, что по своим социальным характеристикам (происхождению, доходу, возрасту, званию, семейному положению) П.Н. Семёнов – типичный представитель офицерской среды первой половины XIX в. Однако его творческий потенциал и личные качества заставляют снова и снова возвращаться к биографии этого удивительного человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Человек в мире чувств / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 2000. С. 11.

² *Комарда Т.Г.* Семенов Петр Николаевич // Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 2007. Т. 5; *Добролюбов И.В., Яхонтов С.Д.* Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. Рязань, 1910 (репринтное издание вышло в Рязани в 1995 г.); *Грот Я.К.* Об авторе «Митюхи Валдайского» // Библиографические записки. 1861. № 15.

³ *Семенов П.Н.* Удача от неудачи, или Приключение в жидовской корчме. СПб., 1818.

⁴ *Стогов Э.И.* П.Н. Семенов и А.П. Бунина // Рус. старина. 1879. № 1. С. 49–51, 55; *Каратыгин П.А.* Записки. Л., 1970. С. 69; *Аксаков С.Т.* Собр. соч. СПб., 1886. Т. 3. С. 204; *Перовский В.А.* Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского // Рус. архив. 1865. № 1. С. 256–280; *Симанский Л.А.* Журнал участника войны 1812 года // Воен.-ист. сборник. СПб., 1913. № 2.

⁵ *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* Мемуары П.П. Семёнова-Тян-Шанского. Т. 1. Детство и юность (1827–1855). Пг., 1917; *Грот Н.П.* Из семейной хроники.: Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. СПб., 1900.

- ⁶ Добролюбов И. В., Яхонтов С. Д. Указ. соч.
- ⁷ Комарда Т. Г. Указ. соч. С. 558.
- ⁸ Грот Я. К. Указ. соч. Стб. 448.
- ⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 2074, Д. 2083.
- ¹⁰ Семенов П. Н. Капитан Мартынов: Ода // Библиогр. зап. 1861. № 15. Стб. 455.
- ¹¹ Грот Н. П. Указ. соч. С. 11.
- ¹² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 123. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.
- ¹³ Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 204.
- ¹⁴ Грот Я. К. Указ. соч. Стб. 449.
- ¹⁵ Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 214.
- ¹⁶ Грот Н. П. Указ. соч. С. 4.
- ¹⁷ Каратыгин П. А. Указ. соч. С. 69.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2074. Д. 2083.
- ¹⁹ Там же. Ф. 29. Оп. 153/г. Св. 20. Д. 13. Л. 255об.–256.
- ²⁰ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч. С. 9
- ²¹ Симанский Л. А. Журнал участника войны 1812 года // Воен.-ист. сборник. СПб., 1913. № 1. С. 160.
- ²² Сорокин А. Д. Героические защитники Отечества. Рязань, 2013. С. 333.
- ²³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2083.
- ²⁴ Семёнов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч. С. 12.
- ²⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815 гг. СПб., 2001. С. 49.
- ²⁶ РГАЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.
- ²⁷ Перовский В. А. Указ. соч. С. 280.
- ²⁸ Семёнов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч. С. 3.
- ²⁹ РГАЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 20. Л. 11; Грот Я. К. Указ. соч.
- ³⁰ Грот Я. К. Указ. соч. Стб. 449.
- ³¹ РГВИА Ф. 395. Оп. 65/320. Отд. 2. Д. 363.
- ³² Арапов П. Указ. соч. С. 251.
- ³³ Семенов П. Н. Подражание Демьяновой ухе // Библиогр. зап. 1861. № 15. Стб. 456.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.
- ³⁵ Там же. Л. 18.
- ³⁶ Там же. Л. 13об.

³⁷ *Сорокин А.Д.* Указ. соч. С. 332.

³⁸ Высочайшие приказы 1822 г. СПб., 1822. С. 60.

³⁹ *Стогов Э.И.* Указ. соч. С. 49.

⁴⁰ *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Указ. соч. С. 84.

⁴¹ *Грот Н.П.* Указ. соч. С. 6; *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Указ соч. С. 45, 46, 78.

⁴² *Грот Я.К.* Указ. соч. Стб. 450.

⁴³ *Сорокин А.Д.* Указ. соч. С. 332.

⁴⁴ *Комарда Т.Г.* Указ. соч. С. 560.

⁴⁵ Сев. пчела. 1832. 28 июня. № 146. Л. 1.

⁴⁶ См.: *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25–75; *Он же.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства XVIII – начала XIX в. М., 1994.

⁴⁷ *Каменев Е.В., Четвертной Д.В.* Человек на войне: культурные практики XIX в. (по мемуарам участников войны 1812 г. и Кавказской войны) // Культура исторической памяти: Невостребован. опыт. Материалы Всерос. науч. конф. Петрозаводск, 25–28 апреля 2003 г. Петрозаводск, 2003. С. 72.